

С Л О В О О П Ъ Л К У И Г О Р Е В Ъ,
И Г О Р Я, С Ы Н А С В Я Т Ъ С Л А В Л Я, В Н У К А О Л Ъ Г О В А

Не лѣпо ли ны бѣшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстии о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!

Боянъ бо вѣщии, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ бо, рече, първыхъ временъ усобицѣ. Тогда пуцашетъ 10 соколовъ на стадо лебедѣи, которы дотечаше, та преди пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскими, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣи пуцаше, нѣ своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимире до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пълкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братие и дружино! луце жѣ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои брѣзья комони да позримъ синего Дону». Спала князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. «Хощу бо, рече, копие

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

С Л О В О О П О Х О Д Е И Г О Р Е В О М ,
И Г О Р Я , С Ы Н А С В Я Т О С Л А В О В А , В Н У К А О Л Е Г О В А

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича? Пусть начнется же песнь эта по былям нашего времени, а не по замыслению Бояна!

Боян же вещий, если хотел кому песнь воспеть, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда пускал десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигали — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. Боян же, братия, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны воскладал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который скрепил ум волею своею и поострил сердце свое мужеством, исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что оно тьмою воинов его прикрыло. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на борзых коней да посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание отвесть Дон Великий заслонило ему предзнаменование. «Хочу, сказал,

приломити конецъ поля Половецкаго, съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

О Бояне, соловию стараго времени! А бы ты сиа плъкы ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игореву, того внуку: «Не буря соколы занесе чресъ поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому». Чи ли въспѣти было, вѣщеи Бояне, Велесовъ внуче: «Комони ржутъ за Сулою — звенить слава въ Кыевѣ. Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ». Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буи Туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыи — ты, Игорю! Оба есвѣ Святъславличя! сѣдлаи, брате, свои брѣзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми кѣмети: подь трубами повити, подь шелома възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють, акы сѣрыи влѣци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ».

Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремя и поѣха по чистому полю. Солнце ему тѣмою путь заступаше, ношь стонуци ему грозою птичь убуди, свистъ звѣринъ вѣста, збися Дивъ, кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемъ, Влѣзъ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутораканьскыи блѣванъ. А Половци неготовама дорогами побѣгоша къ Дону Великому. Крычатъ тѣлѣгы полунощи, рци, лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведеть. Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию, влѣци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клеткомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чрѣленя щиты.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Длѣго ношь мрѣкнетъ. Заря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла, щекоть славию успе, говоръ галичь убудися. Русичи великая поля чрѣлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю — славы.

Съ зарания въ пятѣкъ потопташа поганя плъкы Половецкыя и, рассушысь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтѣмама и япончицама, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половѣцкыма. Чрѣлень стягъ, бѣла хорюговъ, чрѣлена чолка, сребрено стружие — храброму Святъславличю!

копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

О Боян, соловей старого времени! Вот бы ты походы эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, летая умом под облаками, свивая славу обоих половин этого времени, рыща по тропе Трояна через поля на горы.

Так бы пелась тогда песнь Игорю, того внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок несутся к Дону Великому». Или так бы запел ты, вещий Боян, внук Велеса: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Нове-городе, стоят стяги в Путивле». Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои-то готовы, уже оседланы у Курска. А мои-то куряне опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знаемы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наострены; сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заграждало, ночь стовами грозы птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепещлся Див, кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский идол. А половцы непроторенными дорогами помчались к Дону Великому. Кричат телеги в полночи, словно лебеди испуганные.

А Игорь к Дону войско ведет. Уже беду его подстерегают птицы по дубравам волки грозу накликают по оврагам, орлы клетом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щекот соловьиный уснул, говор галочий пробудился. Русичи великие поля червлеными щитами перегородили, ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и наволоки, и дорогие оксамиты. Покрывалами, и плащами, и кожухами стали мосты мостить по болотам и топям, и дорогими нарядами половецкими. Червленый стяг, белая хоругвь, червленый бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръныи воронъ, поганый Половчине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чръныя туча съ моря идутъ, хотять прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии мълнии. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго.

О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають, стязи глаголютъ: Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ Рускыя плѣкы оступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ Туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщеси на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, — тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде! Кая раны, дорога братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милья хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая!

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плѣци Олговы, Ольга Святъславличя. Тѣи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремянь въ градѣ Тьмутороканѣ, той же звонъ слыша давныи великый Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ полелѣя отца своего между угорьскими иноходьцы ко святѣи Софии къ Кыеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшетъ усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть: хотять полетѣти на уедие. То было въ ты рати, и въ ты плѣкы, а сицеи рати не слышано! Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно в обиду порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половец! Гзак бежит серым волком, Кончак ему след указывает к Дону Великому.

На другой день спозаранку кровавые зори свет предвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трещат синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону Великого! Тут копьям преломиться, тут саблям побиться о шеломы половецкие, на реке на Каяле, у Дона Великого.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля прикрывает, стяги говорят: половцы идут от Дона и от моря и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Яр Тур Всеволод! Бьешься ты впереди, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда, Тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая,— там лежат поганые головы половецкие. Расщеплены шлемы аварские твоими саблями калеными, Яр Тур Всеволод! Что тому раны, дорогие братья, кто забыл честь и богатство, и города Чернигова отчий золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, свычай и обычай!

Были века Трояновы, минули годы Ярославовы, были и войны Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Вступил в золотое стремя в городе Тмуторокани, а звон тот же слышал давний великий Ярослав, а сын Всеволода Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. А Бориса Вячеславича похвальба на смерть привела, и на Канине зеленый саван постлала за обиду Олега, храброго и молодого князя. С такой же Каялы и Святополк полелеял отца своего между венгерскими иноходцами ко святой Софии к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче засевалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажь-Божьего внука, в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили. Хотят полететь на поживу! То было в те рати и в те походы, а такой рати не слыхано! С раннего утра до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, гремят сабли

копна харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подѣ копыты костью была посѣяна, а кровию поляна; тугою взыдоша по Руской земли!

Что ми шумить, что ми звенить далече рано предѣ зорями? Игорь плѣкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другыи, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста, ту пирѣ докончаша храбрии Русичи: сваты поцоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, невеселая година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону, плещучи, убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганя погыбе, рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати, а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О, далече заиде соколъ, птицъ бѣя,— къ морю. А Игорева храбраго плѣку не крѣсити. За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Руския въсплакашася, а ркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!» А вѣстона бо, братие, Киевѣ тугою, а Черниговѣ напастыи. Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средѣ земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста, которую то бѣше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великыи Киевскыи грозою, бѣшетъ притрепаль своими сильными плѣкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлѣми и яругы, взмути рѣки и озера, иссуши потоки и болота. А поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ Половецкихъ, яко вихрѣ, выторже, и падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жирѣ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкия, Рускаго злата насынаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче.

в племь, трещат копья булатные в поле неизвестном среди земли Половецкой. Черна земля под копытами костью была посеяна, а кровью полита; горем взошли они по Русской земле!

Что мне шумит, что мне звенит издалика рано до зари? Игорь полки заворачивает: жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы! Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не достало; тут пир закончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а древо с тоской к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Встала обида в войсках Дажь-Божьего внука, вступила дева на землю Троянову, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеская, растревожила времена обилия. Борьба князей с погаными кончилась, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, — к морю! А Игорева храброго полка не воскресить! По нем кликнула Карна, и Желя поскакала по Русской земле, размыкивая огонь людям в пламенном роге. Жены русские заплакали, приговаривая: «Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра и пуще того в руках не подержать!» И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная потекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, а поганые сами, с победами на рысках на Русскую землю, брали дань по белке от двора.

Так и те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже зло пробудили, которое перед тем усыпил было отец их, Святослав грозный великий киевский, грозою своею, усмирил своими сильными полками и булатными мечами; пришел на землю Половецкую, притоптал холмы и овраги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких; словно вихрем исторг, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, что потопил богатство на дне Каялы, реки половецкой, русское золото просыпав. Тут Игорь князь пересел из золотого седла в седло рабское. Приуныли у городов забралы, и веселье поникло.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ. «Синочь съ вечера одѣвахуть мя, — рече, — чръною паполомою на кровати тисовѣ, чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено, сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великыи женчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя. Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю ношь съ вечера бусови врани възграху у Плѣсньска на болони бѣша дебрь Кисаню и несошася къ синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умъ полонила. Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самою опуташа въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлѣпа погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и великое буиство подасть Хинови. Уже снесеса хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса Дивъ на землю. Се бо Готскыя красныя дѣвы възпѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ, златомъ, поють время Бусово, лелѣютъ мечь Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великыи Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моеи сребренеи сѣдинѣ!

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава, съ Черниговьскыи былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Тии бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждають, звонячи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте: «Мужаимѣся сами: преднюю славу сами похытимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ». А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло — княже ми не пособие: наниче ся години обратиша. Се у Римъ кричатъ подѣ саблями Половецкыи, а Володимиръ подѣ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!»

Великыи княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу

А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах: «Этой ночью с вечера одевали меня, говорил, черным саваном на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, сыпали мне крупный жемчуг из пустых колчанов поганых толковин и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, были в дебри Кисаней и понеслись к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум полонило. Вот слетели два сокола с отчего золотого престола добыть города Тмутороканя либо испить шлемом Дона. Уже соколам крылья подсекли саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно ведь было в третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними оба молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла: по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок пардусов, и великое ликование пробудили в хиновах. Уже пала хула на хвалу; уже ударило насилие по свободе; уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, звеня русским золотом, воспевают время Бусово, лелеют месть за Шарукана. А мы уже, дружина, невеселы».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано начали вы Половецкой земле мечами обиду творить, а себе славы искать. Но без чести вы одолели, без чести кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата скованы и в отваге закалены. Что же сотворили вы моей серебряной седине!

А уже не вижу власти сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Они ведь без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу. Но сказали вы: «Помужествуем сами: прошлую славу себе похитим, а будущую сами поделим». А разве дивно, братья, старому помолодеть? Если сокол в мытех бывает, то высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот зло — князья мне не подмога: худо времена обернулись. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир под ранами. Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод! Не думаешь ли ты прилететь издалека, отчий золотой престол поблюсти? Ты ведь можешь

веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатъ, а кощеи по резанъ. Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, буи Рюриче, и Давыде! Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными, на полъ незнаемъ? Вступита, господина, въ злата стремянь за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

Галички Осмомыслъ Ярѡславе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, отворяеши Киеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляи, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

А ты, буи Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носить ваю умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буиствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи паворзи подъ шеломы Латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци — сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тьи мечи харалужныи. Нѣ уже, княже, Игорю утрѣпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листовие срони: по Роси и по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плѣку не крѣсити! Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань...

Иньгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи не худа гнѣзда шестокрилци! Не побѣдными жребии собѣ власти расхытите! Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкыи и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскыи, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыи мечи. И с хотию на кровать, и рекъ: «Дружину твою, княже, птиць крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода, единъ же изрони жем-

Волгу веслами расплескать, а Доя шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы раба по ногате, а раб по резане. Ты ведь можешь посуху живыми шерещирами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, буйный Рюрик, и Давыд! Не ваши ли воины злачеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями калеными, на поле незнакомом? Вступите же, господа, в золотое стремя за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола салтанов за землями. Стреляй же, господин, Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

А ты, буйный Роман, и Мстислав! Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко взмываешь на подвиг в отваге, точно сокол на ветрах паря, стремясь птицу в смелости одолеть. Ведь у ваших воинов железные паворзи под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие страны — Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела, и половцы копьа свои повергли и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже успели на брань...

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича — не худого гнезда соколы! Не по праву побед добыли себе владения! Где же ваши золотые шлемы и копьа польские и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет для тех грозных полочан под кликом поганных. Один только Изяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, прибил славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами прибит со своим любимцем, а тот сказал: «Дружину твою, князь, крылья птиц приодели, а звери кровь полизали». Не было тут брата Брючислава, ни другого — Всеволода. Так в одиночестве изронил жемчужную

чюжну душу изъ храбра тѣла чресь злато ожерелие. Унылы
голоси, пониче веселие, трубы трубятъ Городеньскіи.

Ярославе и вси внуце Всеслави! Уже понизите стязи
свои, вонзите свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ
дѣднеи славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити по-
ганья на землю Рускую, на жизнь Всеславию. Которою бо
бѣше насилие отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребии о дѣ-
вицю себѣ любу. Тѣи клюками подпрѣся о кони и скочи къ
граду Кыеву, и дотчеса стружиемъ злата стола Киевскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣла-града,
обѣсися синѣ мѣглѣ, утрѣже вазни с три кусы: отвори врата
Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влѣкомъ до Не-
миги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чеши хара-
лужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла.
Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни
костью Рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ
Тмутороканя, великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше.
Тому въ Полотъскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи
въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ
дрѣзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщеи Боянъ и
прѣвое припѣвку, смыслени, рече: «Ни хытру, ни горазду,
ни птицю горазду суда божиа не минути!»

О, стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и
прѣвыхъ князеи! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоз-
дити къ горамъ Киевьскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюри-
ковы, а друзии — Давидовы, нѣ розно ся имъ хоботы пашутъ.
Копиа поютъ!

На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемъ
рано кычетъ: «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю
бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его
раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи:
«О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему
мычеша Хиновьскыя стрѣлки на своею нетрудною крилцю
на моея лады вои? Мало ли ти бѣшетъ горѣ, под облакы вѣяти,
лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие
по ковылию развѣя?»

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ,
а ркучи: «О Днепре Слопутицю! Ты пробилъ еси каменныя

душу из храброго тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, поникло веселье, трубы трубят городенские.

Ярослав и все внуки Всеслава! Уже склоните стяги свои, вложите в ножны мечи свои поврежденные, ибо лишились вы славы дедов. Своими крамолами начали вы наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеслава. Из-за усобиц ведь пошло насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна кинул Всеслав жребий о девице ему милой. Хитростью оперся на коней и скакнул к городу Киеву, и коснулся древком золотого престола киевского. Отскочил от них лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей мглой, урвал удачу в три попытки: отворил ворота Новгороду, расшиб славу Ярославу, скакнул волком до Немиги с Дудуток.

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добром были засеяны, засеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до петухов дорыскивал Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перерыскивал. Ему в Полоцке позвонили к заутрени рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хоть и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещий Боян еще давно припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда божьего не миновать!»

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне встали стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы, но врозь их знамена развеваются. Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкой безвестной рано кукует. «Полечу, говорит, кукушкой по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, веешь ты наперекор? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих легких крыльицах на воинов моего лады? Разве мало тебе было под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет на забрале Путивля-города, приговаривая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь

горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Свя-
тослави носады до плѣку Кобякова. Възлелѣи, господине,
мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а рку-
чи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! Всѣмъ тепло и красно еси,
чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои? Въ
полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули
затче».

Прысну море полунощи; идутъ сморци мъглами. Игореву
князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рус-
скую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь
спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мѣритъ отъ великаго
Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за
рѣкою — велитъ князю разумѣти: князю Игорю не быть!
Кликну, стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся Половецкии
подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию,
и бѣлымъ гоголемъ на воду, въврѣжеся на брѣзъ комонь и
скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и
полетѣ соколомъ подъ мъглами, избивая гуси и лебеди завтраку,
и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ
влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо
своя брѣзая комоня.

Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кон-
чаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» Игорь рече: «О Донче!
Не мало ти величия, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу
ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу
его теплыми мъглами подъ сѣнию зелену древу. Стрежаше ѣ
гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ».
Не тако ли, рече, рѣка Стugna: худу струю имѣя, пожръши
чужи ручьи и стругы, рострена къ устью, уношу князю Ро-
стиславу затвори. Днѣпри темнѣ березѣ плачется мати Ростис-
славля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою,
и древо с тугою къ земли прѣклонилось.

А не сорокы втроскоташа — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ
Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици пом-
лъкоша, сорокы не троскоташа, полозие ползоша только.
Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми пѣснь-
ми свѣтъ повѣдаютъ. Млѣвить Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ
къ гнѣзду летитъ, — соколича рострѣляевѣ своими злачеными
стрѣлами». Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду ле-
титъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивницею». И рече Гзакъ
къ Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама

землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы лады до стана Кобяка. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я к нему слез на море рано».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты тепло и прекрасно, зачем же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло».

Прыснуло море в полуночи, идут смерчи тучами. Игорю-князю бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчому золотому престолу. Погасли вечером зори. Игорь спит и не спит: Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. В полночь свистнул Овлур коня за рекой — велит князю разуметь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь скакнул горностаем в тростники и белым гоголем на воду, вскочил на борзого коня и соскочил с него серым волком. И помчался к излучине Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Коли Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, отряхая студеную росу: загнали они своих борзых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Не мало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!» Игорь сказал: «О Донец! Не мало тебе величия, лелеявшему князя на волнах, стлавшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Ты стерег его гоголем на воде, чайками на струях, чернядами на ветрах». Не такая, сказал, река Стугна: скудную струю имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава заключила. На темном берегу Днепра плачет мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, и дерево с тоской к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря едут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозья ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет возвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит, расстреляем соколенка своими злаченными стрелами». Говорит Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной

будеть сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнуть наю
птици бити въ полѣ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣснотворца стараго
времени Ярославля, Ольгова коганя хоти: «Тяжко ти головы
кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы», — Руской земли
безъ Игоря.

Солнце свѣтитя на небесѣ — Игорь князь въ Руской
земли. Дѣвици поють на Дунаи — вьются. голоси чрезъ море
до Києва. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣи Богородици
Пирогощеи. Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ — молодымъ
пѣти! Слава Игорю Святъславличю, Буи Туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу! Здрави, князи и дружина, побарая за
христьяны на поганя плѣки! Княземъ слава а дружинѣ!

Аминь.

девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, и станут нас птицы бить в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына, Святославовы песнотворцы, старого времени Ярославова, Олега-князя любимцы: «Тяжко голове без плеч, беда и телу без головы», — так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву ко святой Богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом молодым петъ! Слава Игорю Святославичу, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравы будьте, князья и дружина, борясь за христиан против полков поганых! Князьям слава и дружине!

Аминь.